

ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 1

2023

П. Д. Садыков

Древнерусские богородичные сказания как исторический источник

УДК 821.161.1'01-343.5+94(470):930.2
DOI 10.47132/1814-5574_2023_1_155
EDN TCIFAT

Аннотация: Существенную часть древнерусской литературы составляют жития. Их авторы своей целью имели прежде всего описание духовных трудов святых, их нелегкий путь к Богу, чудеса, случившиеся по их молитвам. Но нередко в них присутствуют исторические сведения, открывающие для исследователя ряд дополнительных возможностей при изучении произведения. Каждый агиограф вводит их в свое повествование по-разному: одни прибегают к ним лишь для конкретизации периода, в который случились описываемые ими события, другие стремятся указать на проблемы и болезни своего времени или дать идеологическое обоснование происходящему.

В данной статье представлен обзор упоминаний в славянских богородичных сказаниях и некоторых иных агиографических произведениях (прежде всего в житии прп. Стефана Махрицкого) реальных событий, церковных и государственных деятелей, а также описание в них церковной жизни того времени, взаимоотношений с властью и обществом.

Ключевые слова: агиография, сказания, жития, история, хронологические рамки, время, источник.

Об авторе: **Петр Дмитриевич Садыков**

Аспирант Сретенской духовной академии; ведущий специалист ФГБУ «Федеральный институт родных языков народов Российской Федерации».

E-mail: psadykov@natlang.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3502-4507>

Для цитирования: Садыков П. Д. Древнерусские богородичные сказания как исторический источник // Христианское чтение. 2023. № 1. С. 155–162.

Статья поступила в редакцию 16.03.2022; одобрена после рецензирования 16.04.2022; принята к публикации 30.04.2022.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 1

2023

Petr D. Sadykov

Medieval Russian Stories about the Theotokos as a Historical Source

UDK 821.161.1'01-343.5+94(470):930.2
DOI 10.47132/1814-5574_2023_1_155
EDN TCIFAT

Abstract: Lives constitute an essential part of Medieval Russian literature. Their authors had as their goal, first of all, a description of the spiritual labors of the saints, their difficult path to God, the miracles that happened through their prayers. But often they contain historical information that opens up a number of additional opportunities for the researcher when studying the work. Each hagiographer introduces them into his narrative in different ways: some resort to them only to specify the period in which the events they describe happened, while others seek to point out the problems and illnesses of their time or give an ideological justification for what is happening.

This article provides an overview of references in Slavic tales of the Mother of God and some other hagiographic works (primarily in the life of St. Stephen of Makhreshcha) of real events, church and state figures, as well as a description in them of the church life of that time, relationships with the authorities and society.

Keywords: hagiography, stories, lives of saints, history, chronological framework, time, source.

About the author: **Petr Dmitrievich Sadykov**

Graduate student at the Sretensky Theological Academy; leading specialist of the Federal Institute of Native Languages of the Peoples of the Russian Federation.

E-mail: psadykov@natlang.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3502-4507>

For citation: Sadykov P.D. Medieval Russian Stories about the Theotokos as a Historical Source. *Khristianskoye Chteniye*, 2023, no. 1, pp. 155–162.

The article was submitted 16.03.2022; approved after reviewing 16.04.2022; accepted for publication 30.04.2022.

Русская агиография на протяжении нескольких столетий вызывает немалый интерес у исследователей. Здесь достаточно вспомнить А. И. Соболевского, Д. С. Лихачева, Л. П. Жуковскую и мн. др. [Соболевский, 1980; Лихачев, 1987; Жуковская, 1987]. Прежде всего внимание уделяется литературным и языковым особенностям произведений, их текстологии, происхождению и т.д. Разговор же о содержательной составляющей памятников, в особенности в настоящее время, как правило, сопровождается скепсисом: ставятся под сомнение описанные в них чудеса, изложение событий из жизни святых или героев, и поэтому порой подобного рода произведения не воспринимаются всерьез.

В данной статье будет рассмотрена связь агиографической литературы с историей, положение и достоверность предложенных в ней фактов, описаний, роль тех персонажей, существование которых не вызывает сомнения, и, наконец, возможность использования житийной литературы в научных исследованиях. В качестве источников выступают прежде всего богородичные сказания и житие прп. Стефана Махрицкого в редакциях, приведенных в июльской Минее-Четвѣй иером. Германом (Тулуповым) (1632). Стоит отметить, что литературная деятельность последнего до сих пор остается мало изученной.

Еще в XIX в. В. О. Ключевским была предпринята попытка рассмотреть жития святых с точки зрения истории, а точнее — в качестве исторического источника им были взяты сами агиографические произведения (см.: [Ключевский, 1871]). Своей целью он имел изучить влияние древнерусских монастырей на процесс колонизации Северо-Восточной Руси. Исследователь, понимая специфику древнерусской литературы, отмечает: «Чем более входил... в изучаемый материал, тем яснее становились... два вывода: во-первых, этот источник (жития святых. — П. С.) далеко не так свеж и обилен, как о нем думают: во-вторых, его небогатым историческим содержанием нельзя воспользоваться без особого предварительного изучения его в полном объеме» [Ключевский, 1871, I]. По сути, В. О. Ключевский этими словами обозначает главные проблемы, возникающие при изучении исторической составляющей агиографических памятников. Безусловно, при осуществлении подобного рода работ необходимо учитывать особенности написания религиозной литературы того времени. Прежде всего — существование некоего канона, которому следовали авторы, и цель написания произведения — прославить Бога во всех Его проявлениях и святых, пожелавших ради унаследования Небесного Царства отказаться от всех материальных благ и полностью посвятить свою жизнь Богу.

Сразу же следует отметить, что нередко в житиях святых, богородичных сказаниях упоминаются исторические факты. Зачастую они дают возможность определить хотя бы примерную датировку произведения, обозначить временные рамки жизни святого или описываемого в произведении события.

Так, благодаря упоминаемому в житии прп. Стефана Махрицкого историческим событиям и процессам становится возможным с точностью до десятилетия определить хронологические рамки.

В произведении упоминается переселение святого из Киева в Москву. Причину этого автор жития видит в усилении в городе католической веры, что выражалось и в притеснении православных местных жителей: «Граду Киеву обладну бывшу богомерзкою латынею» (РГБ. Ф 304. № 679. Л. 306). Случилось это до поставления митрополитом Киевским и всея Руси свт. Алексия (1354), поскольку Махрицкая обитель, согласно житию прп. Стефана, была основана еще во времена митр. Феогноста, рукоположившего святого в пресвитерский сан (РГБ. Ф 304. № 679. Л. 308).

Положение православных в Киеве ухудшилось при литовском князе Ольгерде, правившем в 1345–1377 гг. [Макарий Булгаков, 1996, 110]. При его же отце, Гедимине, никаких притеснений со стороны католиков не было, на тот момент в Киеве преобладали язычники и православные, а контакты с Ватиканом были незначительны (см.: [Гудавичюс, 2005, 115–117]).

Учитывая имеющиеся исторические сведения, можно предположить, что в произведении указана не точная причина отъезда преподобного из города. Вероятнее всего,

при написании жития его автор опирался на более поздние описания притеснений в Литве православных либо подразумевал под посягательствами со стороны местной власти желание князя поставить своего митрополита (см.: [Голубинский, 1997, 8]).

В данном случае можно выдвинуть две возможные даты. Первая, но маловероятная, — это 1330–1331 гг., когда Константинополь утвердил Галицкую митрополию. Вторая — 1352 г., когда в Литве появляется митр. Феодорит, поставление которого было незаконным. Скорее всего, именно тогда будущий святой и решил переселиться из Киева в Москву. В таком случае рукоположение преподобного в священнический сан произошло около 1353 г. — незадолго до смерти митр. Феогноста.

В некоторых агиографических произведениях прямо указывается год, когда произошли описанные в них события, и упоминается великий князь, правивший в то время. В качестве примера можно привести сказания о Колочской и Оковецкой иконах Божией Матери. В первом памятнике автор пишет: «В лета 6921 [1413 г. от Р. Х.] правящу тогда скипетро царствия рускаго благочестия держателю, христолюбивому великому князю Василию Дмитриевичю» (РГБ Ф. 304/1. № 679. Л. 193 об.–197), во втором же говорится, что указанные события случились в 7047 г., то есть 1539 г. от Р. Х. (РГБ Ф. 304/1. № 679. Л. 197 об.–209).

Помимо этого, в обеих повестях упоминается целый ряд государственных и церковных деятелей, таких как Можайский князь Андрей Дмитриевич, брат великого князя Василия Дмитриевича, царь Иван Грозный, архиепископ Новгородский и Псковский Макарий, наместник Великого Новгорода Иван Григорьевич Морозов и т. д. Все это облегчает работу исследователей, так как позволяет при анализе произведения сразу же учитывать специфику того времени, происходившие изменения в литературной традиции, что, безусловно, определяло содержание многих произведений и способы выражения их основных идей.

Зачастую тему произведения задают наиболее важные и животрепещущие проблемы того времени, о которых прямо или косвенно упоминает автор. Как правило, они связаны с политическими событиями: военными действиями, борьбой князей за власть и т. д. Нередко агиографические произведения, связанные с чудесами святых или мистическими событиями, происходящими с богородичными иконами, появлялись именно в то время, когда необходимо было идеологически подчеркнуть независимость той или иной местности от Москвы или, напротив, объединить русские земли вокруг одного центра.

В качестве примера можно вспомнить сказание о Выдропусской иконе Богоматери, в котором говорится о присоединении Великого Новгорода к Москве в 1478 г. Данное произведение появляется после похода Ивана Грозного на этот город в 1570 г. Можно предположить, что он и стал поводом для воспоминания новгородцами печальных событий столетней давности.

В повести о Колочской иконе Божией Матери, как отмечают исследователи, рассматривается важный для XV столетия вопрос: «учение о пределах царской власти», над которым агиограф размышляет через призму взаимоотношений Можайского князя Андрея Дмитриевича, вмешивающегося в церковные дела, и местного земледельца (см.: [Журова, 1989, 246]). Л. И. Журова делает предположение о влиянии на появление данного произведения «Послания» прп. Кирилла Белозерского, в котором говорится о невозможности прямого участия правителя в жизни Церкви (см.: [Журова, 1989, 246]). Тем не менее, по мнению св. Кирилла, князь должен заботиться о верности народа православной вере, его духовной жизни по евангельским заповедям.

Во время междоусобиц появлялись произведения, в которых авторы стремились возвысить свой город, засвидетельствовать особый Божий покров над его жителями. Как правило, через это продвигалась идея о самобытности и превосходстве того или иного княжества, обосновывалось его преимущественное право. Например, в Сказании о битве новгородцев с суздальцами отдельное место отводится описанию горячей молитвы новгородского архиепископа вместе со всем народом перед Знаменским образом Богородицы, после чего последовало явление,

засвидетельствовавшее особое попечение Божией Матери о Новгороде: «Тогда же икона Божиим промыслом обратися лицом на град и виде архиепископ слез, текуще от иконы... Не суть бо слезы, но являет знамение своея милости» (Сказание о битве новгородцев с судальцами, 1999, 446).

Само содержание любого агиографического произведения, его главная тема свидетельствуют о происходящих в обществе изменениях, обозначают наметившееся переосмысление церковных и повседневных аспектов жизни человека. Первоначально практически все древнерусские литературные произведения носили религиозный характер: их главными героями были святые подвижники или, как в случае «Слова о законе и благодати», они содержали раскрытие богословских истин, изложение пути крещеной Руси.

В памятниках же конца XVI — начала XVII вв. начинает проследиваться постепенный отказ от доминирования в повествовании церковной тематики. Ее место начинают постепенно занимать бытовые проблемы простого человека того времени.

Это можно проследить по Выдропусскому сказанию, где центром всего описания является не чудотворный образ и случившиеся с ним чудеса, как это было принято в предшествующее время, но сам муромский боярин, укравший икону. Стоит отметить, что о церковной жизни последнего, его участии в Таинствах и т. д. до описанных в произведении событий ничего не упоминается. Нечто подобное встречается и в повести об Оковецкой иконе Божией Матери: образ впервые был обнаружен ворами. Однако во многих житиях, особенно более раннего периода, сообщается о событиях, произошедших еще до рождения праведника и указывающих на его будущую святость (см., напр.: *Житие Сергия Радонежского*, 1999, 262)), то есть на протяжении всего повествования подчеркивается постоянное служение Богу и не допускается даже мысль о каком-либо нарушении евангельских заповедей. Для богородичных сказаний также была важна духовная жизнь человека, нашедшего образ или ставшего свидетелем чуда (см.: [Кириллин, 2017, 159]).

Иными словами, начиная с конца XVI в. авторы начинают мыслить шире и не ограничиваются религиозными рамками. Это можно назвать духом времени, распространявшимся на все сферы жизни человека того времени. Особой же отличительной духовности русского народа, о которой нередко говорят, как таковой не было. Об этом, среди прочего, красноречиво свидетельствует сам поступок муромского боярина из Выдропусского сказания, посмеявшегося украсть богородичную икону и назвать ее *пленницей* (РГБ. Ф. 304/1. № 679. Л. 219 об., 220).

Агиографические произведения являются важным источником и для изучения положения древнерусских монастырей. В. О. Ключевский верно замечает, что главным источником по истории последних является именно древнерусская житийная литература (см.: [Ключевский, 2002, 27]).

Прежде всего подобного рода произведения описывают духовную жизнь братии обителей. В них повествуется об упражнениях монахов в молитве, чтении Священного Писания, постнических и аскетических трудах, служении ближним.

Последнее можно назвать важным аспектом деятельности монастырей того времени. «Господствующая аскеза русских святых — пост и труд. Но хозяйственная жизнь монастыря получает свое религиозное оправдание лишь в его социальном служении миру. Все русские святые иноки настаивают на милостыни и благотворительности как условия духовного процветания», — пишет Г. П. Федотов [Федотов, 1997, 2011]. Автор жития прп. Стефана Махрицкого игумена Иоасаф неоднократно подчеркивает добродетели святого: смирение и кротость, сопровождавшиеся принятием странников, материальной поддержкой бедных местных жителей и паломников обители. При этом святой не оставлял данного подвига и в Авнежском монастыре, после того как на некоторое время покинул Махрицкую обитель: «Григорие и Касиан с ним творяще и милостыню довольно подаваху убоги. И тако Божию благодатию составиша монастырь», — повествуется в житии (РГБ. Ф. 304/1. № 679. Л. 317 об.). Постоянно упражняться в этих добродетелях святой завещал перед смертью и своей братии,

что исполнили многие его ученики (напр., игумены Илия, Варлаам и др.). Именно подобное служение людям вне зависимости от их социального и материального положения становилось причиной возраставшей известности и популярности в округе тех или иных подвижников (РГБ. Ф. 304/І. № 679. Л. 315).

Для XIV–XV вв. был характерен выбор желающими посвятить свою жизнь Богу именно пустынножительства. Но зачастую, становясь известными, многие отшельники были вынуждены отказываться от первоначально выбранного пути ради служения миру. Монашеская община, разрастающаяся вокруг пустытника, выбирала общежительный устав, для которого свойственно общее монастырское имущество и совместные работы всей братии на благо обители. При этом руководством были слова премудрого Соломона: «Чти Господа от твоих праведных трудов» (РГБ. Ф. 304/І. № 679. Л. 312), — пишет автор жития прп. Стефана Махрицкого.

Житийная литература свидетельствует и о церковно-государственных взаимоотношениях на определенных исторических этапах. Безусловно, светская власть так или иначе стремилась использовать Церковь в своих — прежде всего идеологических — целях. Но в ряде агиографических произведений зафиксированы свидетельства искренне теплого отношения некоторых князей к монастырям, монашествующим и известным подвижникам своего времени. В. О. Ключевский говорит, что нередко местные князья основывали обители ради создания прибежища для окрестных обывателей и с надеждой приобрести за себя молитвенников (см.: [Ключевский, 2002, 30]). В житии прп. Стефана Махрицкого говорится о встрече святого с великим князем Дмитрием Донским, который сам пригласил игумена в Москву: «Благодарный великий князь Димитрий имея в сердца своем страх Божий, добре рассмотря и правя скиперта царствия своего. Божия церкви украшая и монастыри устроая. Священническому же и иноческому чину честь велию воздая. Стефану же и еже от него поставленным монастырем братьям милостыню подавая» (РГБ. Ф. 304/І. № 679. Л. 318 об.).

В содержании и заботе о благолепии монастырей нередко принимали участие и местные богатые жители, желавшие совершить благое дело или оставить мирской образ жизни и принять монашеский постриг. В том же житии прп. Стефана говорится о некоем человеке, отдавшем все свое имение для нужд обители и просившем святого совершить над ним монашеский постриг (РГБ. Ф. 304/І. № 679. Л. 315 об.–316). Нечто подобное описывается и в сказании о Колочской иконе Божией Матери: местный житель, нажившись на чудотворном образе, впал в болезнь и после принес покаяние, отдав все свое имение в распоряжение можайского князя Андрея Дмитриевича. Последний принимает решение полностью пожертвовать это имение монастырю (РГБ. Ф. 304/І. № 679. Л. 197).

Но взаимоотношения монастыря с местными жителями не всегда были доброжелательными. Нередко находились противники разрастания обители или завистники становившихся известными подвижников. Об одном таком случае повествует игум. Иоасаф: «Искониже ненавидя добра роду человеку диаволь, видя себе от святого побеждаема смириемь и терпениемь, подстрекает лукавья человеки на святого близ живущих монастыря... Часто прихожаху в монастырь, и поносяще святому и кторующе, и смертию претяще, аще не отгидеть от монастыря» (РГБ. Ф. 304/І. № 679. Л. 316 об.). Святой игумен, желая сохранить мир, уходит из монастыря, с кротостью ответив им: «Богъ да простит вы, чада. Не вы бо сие творите, но лукавый диаволь» (РГБ. Ф. 304/І. № 679. Л. 316 об.). Стоит отметить, что данный фрагмент в советское время пытались использовать в качестве аргумента, подтверждающего постоянные проблемы во взаимоотношениях Церкви с простым народом. И. У. Будовниц в своей книге «Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян XIV–XVI вв.», пересказывая описанный эпизод, называет монахов угнетателями и врагами трудового крестьянства (см.: [Будовниц, 1966, 131–134]).

Помимо этого, агиографическая литература выступает материалом для изучения существующих монастырских уставов, внутреннего устройства жизни, например традиции наречения монашеского имени. Это представлено в работе Б. А. Успенского

и Ф. Б. Успенского «Иноческие имена на Руси». Так, основываясь на житии прп. Стефана Махрищского, авторы говорят о существовании в средневековой Руси практик принятия в монашеский чин с наречением имени, но без совершения самого пострига (согласно изучаемому памятнику, именно так произошло с прп. Кириллом Белозерским; см.: [Успенские, 2017, 35–36]), и возможности неизменения имени при пострижении в великую схиму (см.: [Успенские, 2017, 42]).

Таким образом, древнерусские агиографические произведения, в частности сказания о богородичных иконах, нередко включают в себя исторические факты. Поскольку авторы подобных литературных трудов своей целью имели прежде всего описание подвигов святых, чудес, исходящих от икон, прославление Иисуса Христа и Его Матери, зачастую исторические сведения не передаются точно и содержат некоторые погрешности. Но это несколько умаляет значения свидетельства данных памятников, которые могут выступать в определенной степени историческим источником.

Помимо того, что упоминание реальных событий и исторических деятелей позволяет восстановить примерную хронологию, это дает возможность нынешнему читателю восприкоснуться с некоторой характеристикой времени, проблем, переживаний людей и т. д. Эти детали свидетельствуют о церковном укладе средневековой Руси, об устройении монастырской жизни, взаимоотношении Церкви со светской властью, дают характеристику тому или иному историческому периоду. Основываясь на агиографических произведениях XVI–XVII вв., можно говорить о довольно сдержанном отношении к религиозной жизни простых людей, не отличающихся высокой духовностью, которую ранее всячески стремились подчеркнуть авторы произведений. Это объясняется тем, что в данное время книжников начинают интересовать насущные проблемы бытовой жизни, религиозная же тематика, хотя еще и остается основной, начинает постепенно уходить на второй план.

Именно поэтому литературные памятники обозначенного периода представляют особый интерес для церковной и светской науки. Их использование в исследованиях позволяет дать более точную характеристику эпохи и выйти за рамки статистики и хронологии событий. При этом необходимо помнить, что работа с агиографическими произведениями требует критического подхода, текстологической сверки и языкового анализа.

Источники и литература

Источники

1. Житие Сергия Радонежского (1999) — Житие Сергия Радонежского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 6. С. 254–411.
2. РГБ — Российская государственная библиотека. Ф. 304/1. № 679. Л. 193 об.–209; Л. 218–226; Л. 303–335.
3. Сказание о битве новгородцев с суздальцами (1999) — Сказание о битве новгородцев с суздальцами // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 6. С. 328–351.

Литература

4. Будовниц (1966) — Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI вв. М., 1966. 392 с.
5. Голубинский (1997) — Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. М., 1997. Т. II. Ч. 2. 616 с.
6. Гудавичюс (2005) — Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года. М., 2005. 680 с.

7. Жуковская (1987) — *Жуковская Л. П.* Грецизация и архаизация русского письма 2-й половины XV — 1-й половины XVI вв. (об ошибочности понятия «второе южнославянское влияние») // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М., 1987. С. 144–176.
8. Журова (1989) — *Журова Л. И.* Повесть о Луке Колоцком // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. СПб., 1989. С. 246–248.
9. Кириллин (2017) — *Кириллин В. М.* Повесть о чудотворной Казанской иконе Богоматери в свете древнерусской литературной традиции // *Studia Litterarum*. 2017. Т. 2. № 1. С. 150–183.
10. Ключевский (1871) — *Ключевский В. О.* Жития святых как исторический источник. М., 1871. 479 с.
11. Ключевский (2002) — *Ключевский В. О.* Русская история: полный курс лекций. М.: АСТ, 2002. Т. 2. 592 с.
12. Лихачев (1987) — *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы // *Лихачев Д. С.* Избранные труды. Л., 1987. Т. 1. С. 261–654.
13. Макарий Булгаков (1996) — *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 3. 690 с. + 47 с. ил.
14. Соболевский (1980) — *Соболевский А. И.* История русского литературного языка. Л., 1980. 194 с.
15. Успенские (2017) — *Успенский Б. А., Успенский Ф. Б.* Иноческие имена на Руси. М., 2017. 344 с.
16. Федотов (1997) — *Федотов Г. П.* Святые Древней Руси. М., 1997. 220, [3] с.